

УДК 17

DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

«Новая этика», истоки и современность (Обзор)**Кротовская Наталия Георгиевна**

Научный сотрудник,
сектор истории антропологических учений,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Кулагина-Ярцева Валентина Сергеевна

Научный сотрудник,
сектор истории антропологических учений,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Аннотация

Выражение «новая этика» присутствует в медиа и в дискуссиях уже несколько лет, а в последнее время практически повсеместно. Чем «новая этика» отличается от старой? Где пролегает грань между защитой прав одних групп и нарушением прав других? Вопросы о сущности и верном понимании этики и морали, как правило, являются оценочными и не всегда имеют четкую формулировку. При этом различные определения «новой этики» зачастую расходятся. В России понятие «новая этика» включает в себя несколько не слишком похожих друг на друга составляющих. Это и «культура отмены», и движения #MeToo, Black Lives Matter, и экологическая повестка, и так далее. В данной статье, рассматриваются различные определения «новой этики», освещается история их возникновения и в каждом конкретном случае критически анализируется содержание данного понятия. В статье использованы, в основном, журнальные и газетные материалы. Авторы исследования приходят к выводу, что «новая этика» отличается от старой лишь тем, что сегодня у нас появилось больше инструментов, которые позволяют уловить и отрефлексировать неравенство и дискриминацию, и больше терминов, которые помогают описать этот опыт.

Для цитирования в научных исследованиях

Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 241-259. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

Ключевые слова

Новая этика, #MeToo, Black Lives Matter, тоталитарность, культура отмены, экология, права животных, искусственный интеллект, соцсети, снос памятников.

Введение

Понятие «новая этика», вобрав в себя множество дискуссий, идущих в разных языковых и дискурсивных пространствах, образовало некую конструкцию, которая вызвала небывалый ажиотаж среди российских интеллектуалов.

Откуда пришло само понятие? Его первоначальное употребление следует отнести ко времени появления первой волны немецкого феминизма.

Движение «Neue Ethik», «Новая мораль», основательницей которого была Хелен Штекер, активистка, борющаяся за права женщин, сложилось на рубеже XIX-XX веков. Штекер и ее последователи отстаивали необходимость эмансипации женщин и, в частности, доступа к образованию и социальным благам, а также либерализацию сексуальности. Освобождение женщин считалось необходимым для того, чтобы семья основывалась не на материальной зависимости жены от мужа, а в первую очередь на любви. По мнению Штекер, не брак, а любовь должна стать единственной легитимной основой отношений между мужчиной и женщиной. Движение имело, в основном, феминистскую повестку и связано с современными дискуссиями лишь косвенно.

Эрих Нойманн (1905-1960) – писатель, психолог, один из самых одаренных учеников Карла Густава Юнга, в 1934 г. уехал из Германии в Тель-Авив, спасаясь от гитлеровского террора. Концепция «новой этики», изложенная Эрихом Нойманном в 1949 году в книге «Глубинная психология и новая этика», сложилась у Нойманна под влиянием Холокоста. Автор обнажает слабость существующей системы этических ценностей. Суть концепции заключается в отказе от деления окружающего мира на «хорошее» и «плохое», в освобождении от попыток усмирить злое начало, так называемую «тень», в признании индивидом своей темной стороны и интеграции с ней. Нойманн призывает к личной ответственности человека, предъявляя высокие требования к его нравственной зрелости, определяющей его будущее развитие.

По мнению Нойманна, основная жизненная проблема современного человека – это проблема зла: традиционная этика оказалась неспособной сковать, усмирить и трансформировать деструктивные силы. Охваченная жаждой мести, «темная» сторона вторглась в представление современного человека о мире, и поэтому его отношение к добру и злу утратило определенность.

Таким образом, современному человеку в первую очередь необходимо осознать все зло, заключенное в нем самом: свою «темную», неполноценную личность, свою тень. Эту сторону слишком часто и слишком легко обнаруживали в другом человеке и «проецировали» на него, удовлетворяя таким образом известную потребность найти козла отпущения для своих собственных недостатков. В результате подобной процедуры мы разделили мир на «хороших» и «плохих», на высшие и низшие народы, расы или индивидов со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

«Старая этика доказала свою несостоятельность в решении актуальной проблемы нравственности современного человека» [Нойманн, 1999, 16].

Нойманн считал, что человечеству нужна новая этика, которая позволит, с одной стороны, стать терпимыми к себе, а с другой – принять ответственность за свои негативные качества. Новая этика у Нойманна – психологический проект, который он воплощал в своей психотерапевтической практике [там же, 19].

Если говорить об Америке, то, по мнению философа Артемия Магуна, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге, Соединенные Штаты выработали принципы

«новой этики» не в вакууме. Он полагает, что «новая этика» связана с общими процессами развития буржуазной культуры и по-разному преломлялась в различных странах. Где-то эта культура приобрела «расслабленные» формы. Где-то довольно жесткие, репрессивные. В Америке речь идет о жесткой буржуазной культуре, что А. Магун объясняет наличием сильных пуританских и викторианских традиций, а также отсутствием традиций аристократических. По мнению философа, отсутствие последних, угрожает США «тиранией большинства», властью общества над душой, моральной монолитностью [Магун, 2021].

Понятия «новая этика» и «новая мораль» встречаются в дискуссиях, начавшихся в 1970-80 гг. среди представителей различных религиозных общин США и Европы.

Одной из теоретических основ таких дискуссий стала консервативная ветвь американского психоанализа, заложившая основу и для современных концепций «исправления ориентации». Здесь можно упомянуть книгу Элизабет Моберли «Гомосексуальность: новая христианская этика» (1983), в которой автор описывала причины развития гомосексуальности и предлагала пути лечения. Впоследствии критика некоторых явлений, которые в России связывают с «новой этикой», и конфликты в этих дискуссиях в США получили название «культурной войны» (*cultural war*). Идеи «культурной войны» также оказали влияние на формирование понятия «новой этики».

«Новая этика» в России, определения и обсуждения

В медиа России понятие «новая этика» появляется в 2018 году и поначалу означает группу практик в цифровом мире. Значение, которое мы обнаруживаем сегодня, «новая этика» обретает во второй половине 2019 – начале 2020 годов. По поводу «новой этики» ведутся многочисленные дискуссии. «Новая этика» подвергается критике как со стороны государственных, так и либеральных СМИ. В прогосударственных «новую этику» связывают с распушенностью и желанием получить «побольше прав и поменьше обязанностей». В либеральных медиа критика обвиняет «новую этику» в ограничении свободы слова, свободы сексуальности и т.д. Понятие может показаться полностью заимствованным, хотя на самом деле это не так. В современных иноязычных пространствах существуют отдельные дискуссии о культуре отмены, борьбе с домогательствами, идет «культурная война» с феминизмом и ЛГБТ. В России же было сконструировано единое понятие, вместившее в себя все страхи современных интеллектуалов, которые совпали с антизападной идеологией государственной пропаганды.

Таким образом, «новая этика» оказывается слишком эмоционально «нагретым» понятием и упрощает взгляд на то, как работает этика в обществе, поскольку в обществе не бывает единой этики, в ней существует множество наслаивающихся друг на друга этик, иногда конфликтующих между собой.

Следовательно, четкого определения «новой этики» не существует. Ученые и журналисты, касающиеся этой тематики, дают каждый свою формулировку.

Приведем несколько определений.

Академик А.А. Гусейнов: «Слово (определение) новый в этике, как и в иных областях жизни, прилагается к изменениям разного масштаба, в том числе к эпохальным сдвигам в самом способе существования человека. Новой была этика Иисуса Христа, этика Нового завета, которая соединяла людей разных племен перед лицом единого Бога. Новой была демократическая этика Нового времени, которая уравнивала представителей разных сословий как граждан одной республики. Новой была также коммунистическая этика, которая бралась

сплотить всех людей в единую братскую семью. Есть ли в том, что сегодня именуется «новой этикой», признаки, позволяющие видеть в ней нечто подобное?

«Новая этика» как термин в его сегодняшнем смысле появился совсем недавно. Насколько я знаю, пока скрупулезно не прослежена его история. В США «новой этикой» называют моралистический поворот общественного сознания, направленный на очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма. Некоторые отечественные авторы считают, что термин придуман в России, ограничивается русскоязычным пространством и выражает русский взгляд на радикальные моральные процессы, происходящие на Западе. Это словосочетание получило дополнительный импульс и стало своего рода мемом после статьи режиссера К. Богомолова «Похищение Европы: 2:0» [Богомолов, 2021]. В любом случае под «новой этикой» имеются в виду не изменения в наших отечественных моральных представлениях и общественных нравах, хотя они весьма значительны в последние десятилетия (например, по отношению к труду, потребительству, сексуальным отношениям и т.п.), а дерзкие, непривычные с точки зрения традиционных представлений процессы в моральной (этической) практике западных стран. Понятие «новая этика» употребляется с различными ценностными коннотациями: для одних оно является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других – шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих – опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации и, что должно волновать нас в первую очередь, поскольку представляет собой смертельную угрозу для нас, нашего народа, страны, образа жизни. Последняя точка зрения, а именно позиция радикальных критиков, наиболее интересна и информативна для понимания того, идет ли речь действительно о новой этике в упомянутом выше эпохальном смысле, а именно – о другом понимании этических устоев нашего общественного существования» [Гусейнов, 2021, 91-93].

«Новая этика», по мнению А. А. Гусейнова, говорит об изменениях в области морали, выразившихся в общественных движениях за постколониальное очищение гуманитарных наук, против дискриминации женщин (*#MeToo*), расизма (*Black Lives Matter*), за открытую гендерную идентичность.

Элла Россман, гендерный историк, выпускница НИУ ВШЭ, пишет о «новой этике» следующим образом:

«Понятием «новая этика» маркируют множество разных явлений: новую волну российского феминизма, культуру отмены, борьбу с харрасментом и домогательствами, чрезвычайную «чувствительность» молодежи, обсуждение личных границ и травм, инклюзивность в разных организациях, квотирование, политику идентичности, новые формы романтических отношений и партнерств, протесты против расизма, а иногда и любые виды коллективного действия, которые описываются с отсылками к советскому опыту парткомов и репрессий» [Россман, 2020].

Журналист Владимир Лакодин дает такое определение «новой этики»:

«С одной стороны, «новая этика» как тренд – чисто российское явление.

С другой, оно представляет собой этакий «компот», среди ингредиентов которого варятся вместе, например, феминизм советской выделки и феминизм, зашагавший по планете под тегом *#MeToo* (в России – *#яНеБоюсьСказать*).

В отечественной «новой этике» нашли свое место некоторые идеологемы движения *Black Lives Matter*. Скажем, неприемлемость полицейского насилия. А нашими *Black* могут считаться

люди любой национальности, к которым в стране распространено ксенофобское отношение.

Займствует «новая этика» и практики «культурной отмены», часто весьма сомнительные. Социологи считают их современной формой изгнания (бойкота, ostracism) «плохишей», когда людям, поведшим себя неэтично, отказывают в поддержке в профессиональной среде, в соцсетях и физическом мире.

Также «новая этика» подразумевает под нормой отсутствие дискриминации любых меньшинств, не представляющих реальной угрозы для общества – от ментальных инвалидов (детей и взрослых) до представителей молодежных субкультур и людей, предпочитающих нетрадиционные сексуальные практики» [Лакодин, 2021].

Социолог, профессор Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, Елена Омельченко пишет, что дискуссия о новой этике актуализировалась вместе с движением #MeToo против сексуального насилия и домогательств. Речь идет не столько об «обновлении» идей нравственности и морали, сколько о «новизне» самой ситуации. Возникает обсуждение, в центре которого – переосмысление права на насилие и злоупотребление властью. «Новую этику» можно определить как изменение социальных норм в пространстве неопределенности и отсутствия ориентиров. Предпосылками для ее формирования стали глобальные тренды, связанные с гендерной и феминистской повесткой, новой чувствительностью, развитием интерсекционального подхода и др.

Составляющие «новой этики»

Наиболее чуткими к «новой этике» предсказуемо оказались предприниматели и маркетологи. Ведь им нужно коммуницировать с молодыми и совсем юными потребителями так, чтобы те со временем сделались лояльными взрослыми клиентами.

Компаниям и частным предпринимателям волей-неволей приходится прислушиваться к той части молодежи, которая вдруг сделалась щепетильна, требовательна к моральному облику бизнеса, к этичности его предложений и способов заявлять о них публично. Потому что количественно такой молодежи становится все больше. Российский бизнес «новую этику» заметил и начал трансформировать свой подход как к коммуникациям с потребителями, так и к организации трудовых отношений с молодыми специалистами.

Журналист Елизавета Чеботарева (Forbes) пишет о практическом применении «новой этики» в сфере бизнеса: сотрудники компаний, руководители, журналисты и просто пользователи соцсетей ощущают, что мы живем в мире меняющихся или уже изменившихся этических норм. У «новой этики» нет манифестов, лидеров, программы, но все понимают, что нормы отношений между людьми существенно изменились. В мире крупного бизнеса возникает понятие репутационного капитала, крупные инвестиционные фонды перед вложением средств проверяют, соответствует ли компания критериям «новой этики», например, достаточно ли толерантен подход к выбору руководящего состава. Чтобы избежать огромных финансовых и репутационных потерь, компании в срочном порядке составляют кодексы, адаптируются к новой социальной действительности.

«Новая этика», по мнению Е. Чеботаревой, в настоящее время делится на три важные составляющие: первое – все, что связано с разнообразием, с *diversity*, сюда относятся вопросы, касающиеся толерантности: толерантность к полу, возрасту, вероисповеданию. Это полная толерантность принятия того, что все мы разные. Второе – это новое понимание агрессивности и давления друг на друга. То есть переосмысление вопросов харассмента, газлайтинга и прочих

вещей, пересмотр взаимоотношений между людьми. И третья составляющая «новой этики» – то, что очень продиктовал нам коронавирус и карантин, с ним связанный. Это все, что связано с удаленной работой и новыми цифровыми коммуникациями.

Если речь идет об удаленной работе, то возникает новая цифровая этика, которая говорит, что ты теперь на работе оказался не 7 часов, а 24 часа, то есть у тебя постоянно звонки, мессенджеры, скайпы или зумы в нерабочее время. И сейчас это очень сильно нормируется и выходит из категории лайт, то есть большинство компаний описывают, что вы можете не отвечать и, более того, вы скорее должны не отвечать в нерабочее время, видя, как выгорели за первый месяц сотрудники. Иначе говоря, вы можете поставить отбивку, отключить звук в чате или просто написать, что, коллеги, у меня закончился рабочий день. История про цифровую этику, что можно, что нельзя, как можно, – это тоже сейчас очень важная история, которую компании прописывают. Компании сейчас очень переосмысливают свои внутренние стандарты, раньше они были, что называется, дубовее, проще и понятнее

В современном мире внимание привлекают не только случаи нарушения этических норм в общении с клиентами, но и экология труда, особенно остро этот вопрос затрагивает компании, чье производство расположено в развивающихся странах.

Репутация, этическое отношение к клиентам обретают все больший вес в современном мире. «Толерантность важнее прибыли», – так глава инвестиционного фонда Golden Sachs Дэвид Соломон заявляет о новых требованиях банка к компаниям.

И конечно, «новая этика» затрагивает не только проблемы экологии социума, но и загрязнения окружающей среды. В неэтичном использовании природных ресурсов часто обвиняют гигантов модной индустрии.

Неэтично также публиковать оценочные высказывания про конкурентов и партнеров. Во многих компаниях уже разработана политика поведения сотрудников в соцсетях [Чеботарева, 2020].

Одной из важных составляющих «новой этики» является *cancel culture*, культура отмены.

Это популярная практика отмены поддержки общественных фигур и компаний после того, как они сделали или сказали что-либо, считающееся нежелательным, общественно порицаемым или оскорбительным.

«Культуру отмены» в России и мире обсуждают уже не первый год. С ней связано и много страхов, в первую очередь по поводу возможных перегибов в желании привлечь публичных людей к ответственности. Многие опасаются, что новые нормы кардинально изменят то, как мы общаемся в публичном поле: например, что любое неосторожное высказывание в настоящем или в прошлом может стоить человеку карьеры и любых перспектив.

Сегодня английское *cancel* все чаще используют в контексте критики и публичного обсуждения недопустимого поведения: например, когда говорят о том, что нужно «отменить» человека, последовательно выступающего с дискриминационными взглядами. Выражение чаще встречается в английском языке, но «культура отмены» постепенно закрепляется и в русском – хотя говорить о становлении института репутации в русскоязычном культурном поле пока рано, сегодня о возможных последствиях дискриминационных высказываний задумываются куда чаще, чем несколько лет назад.

Под «отменой» часто понимают острую публичную критику, но проводить между ними знак равенства все-таки не совсем верно. Обе подразумевают общественное давление в случае, когда взгляды и идеи, которые человек транслирует публично, не вписываются в современные представления о мире. Но «отмена» подразумевает наступление репутационной

ответственности: человека призывают пересмотреть свои взгляды, извиниться, а если этого не происходит – лишить его платформы и возможностей продолжать дискриминацию. При этом речь идет не о мести с позиции силы. Как правило, «отмена» – действие символическое: например, в случае Майкла Джексона «отменой» был призыв перестать поддерживать его творчество и слушать его музыку – о том, чтобы, скажем, удалить его музыку со стриминговых сервисов, речи не шло. «Отмену» иногда называют культурным бойкотом – это довольно точно описывает суть протеста. При этом, как любое движение, возникающее и развивающееся стихийно, «отмену» невозможно контролировать, как и действия каждого конкретного участника.

Людей, которые относились бы к культуре отмены спокойно, практически не существует: пока одни активно поддерживают публичную критику, другие опасаются ее повсеместного распространения и «общественного диктата». Летом 2020 года сто пятьдесят писателей, активистов и академиков, среди которых Джоан Роулинг, Маргарет Этвуд, Ноам Хомски, Стивен Пинкер и Салман Рушди, подписались под открытым «Письмом о справедливости и открытых дебатах», посвященным «культуре отмены», которое было опубликовано в журнале *Harper's*. Авторы письма считают, что она ограничивает свободу слова, а меры, которые предпринимаются в рамках «отмены», не соответствуют проступкам. «Ограничение возможности спорить и дебатировать, исходит ли оно от строгого государства или нетолерантного общества, неизменно вредит тем, у кого в обществе мало власти, и мешает всем без исключения участвовать в демократических процессах. Плохие идеи необходимо побеждать, освещая их, споря с ними и переубеждая, а не пытаясь заглушить или отогнать их <...> Свободный обмен информацией и идеями – живая основа свободного общества – с каждым днем становится все более ограниченным. Пока мы опасались угрозы цензуры со стороны правых радикалов, она постепенно распространялась в нашей культуре: нетерпимость к противоположным взглядам, мода на публичное осмеяние и остракизм, а также тенденция сводить сложные политические вопросы к слепой уверенности в собственной правоте. Мы поддерживаем ценность здоровой и даже саркастической дискуссии. Но сейчас слишком часто можно услышать призывы к скорому и жесткому возмездию в ответ на то, что воспринимается как неправильное слово или мысль. А еще больше вызывает тревогу то, что общественные лидеры, стремясь к контролю над паникой, наносящей вред обществу, склонны применять поспешные и несоразмерные наказания вместо обдуманых реформ», – говорится в письме.

«Моральный нигилизм в США теперь выступает под именем *cancel culture* – «культура отмены» или «культура запрета». Каковы бы ни были твои заслуги перед обществом, культурой, наукой, бизнесом, спортом, за любую неосторожно высказанную мысль, недостаточно «прогрессивное» словечко можно поплатиться репутацией, карьерой, всем жизненным итогом. Авторы письма выступают против полиции мысли, властные претензии которой гораздо более тотальны, чем у полиции, охраняющей порядок на улицах городов. Задача полиции – предотвращать преступления; полиция мысли отрицает свободу мысли и слова, как если бы она была преступлением», – так оценивает письмо ста пятидесяти крупнейших американских деятелей культуры литературный критик Михаил Эпштейн [Эпштейн, 2020].

При этом существует мнение, что культуру отмены саму по себе не стоит оценивать ни как исключительно хорошее, ни как исключительно плохое явление. О ней следует говорить совсем в другом контексте – как о новом инструменте распределения силы, который появился благодаря соцсетям. Кажется, как и в любых обсуждениях «новой этики», речь здесь скорее о возможности обрести голос: соцсети помогают найти союзников в масштабе, который прежде

нельзя было представить. Они дают возможность выбора – не поддерживать тех, чьи идеи тебе не близки.

Вместе с тем, у многих культура отмены вызывает опасения.

«Но что, мне кажется, должно в ней пугать так это какая-то особая непримиримость. Казалось бы, странно – в эпоху всеобщего приятия, приветствия в различиях, тщательно лелеемого *diversity*, торжества либеральной идеологии, внедрившей в умы тезис «все может иметь место и любая мысль имеет право быть высказана», мы вдруг сталкиваемся с ситуацией, когда не только не все может быть сказано, но и совсем не все сказанное будет безнаказанным... Как «культура отмены» соотносится со свободой слова, которая еще совсем недавно нам казалась – и некоторым из нас, таким «реликтовым животным посткоммунизма», до сих пор кажется – наивысшей ценностью? Со свободой мысли – потому что на самом деле «культура отмены» требует не просто покаяния в словах, она требует отказа от своих мыслей. Как это переходит в страх высказывания и далее – в страх мыслить? Какую цену «культура отмены» заставляет платить за наше базовое человеческое право говорить и мыслить? – пишет главный режиссер театра имени Наталии Сац Георгий Исаакян и продолжает – То, с чем мы имеем дело сейчас, конечно же, является частью гораздо большего глобального феномена, первого в истории периода под названием «массовое общество публикаторов». Потому что если XX век был *массовым обществом потребителей*, то сейчас, особенно с появлением соцсетей, все стали *публикаторами, авторами*. И если прежде автор годами, десятилетиями добивался права на высказывание, то сейчас право на высказывание – это ваш поход в ближайший магазин связи и покупка смартфона. Вам не надо быть Оскаром Уайльдом, бросать вызов обществу, отсидеть в Рэдингской тюрьме, чтобы доказать свое право обратиться к «городу и миру». Вам даже никакой профессии особо не надо учиться. Вы покупаете смартфон, загружаете соцсеть и становитесь автором. Легкость доступа к высказыванию оборачивается такой же легкостью доступа к участию в гражданской казни. Мало того, соцсети еще и построены по принципу «слипания в стаи». Политологи это называют «жизнь в информационном пузыре». Каждый создает вокруг себя свой информационный пузырь. Вам кажется, что все думают, как вы, но на самом деле – вы просто френдите только тех, кто думает, как вы. Вы никогда не френдите людей из другого лагеря. А дальше начинается эффект Преображенского полка на мосту, когда все маршируют в такт, и начинается колебание, которое мост разрушает» [Исаакян, 2020]. Но, в конце концов, культура отмены нужна не для мести или наказания. Это скорее способ установить новые нормы и публично проговорить, что больше неприемлемо. Ошибиться может любой человек – и гораздо важнее дать возможность обсудить и признать эту ошибку. При этом не стоит относиться к феномену «отмены» буквально. Общественное давление – легитимный и адекватный инструмент установления важных этических правил, но это не значит, что проступок не предполагает «искупления», а борьбу с конкретным человеком нужно вести до последней капли крови.

Дискуссия о «новой этике» актуализировалась вместе с движением *#MeToo* против сексуального насилия и домогательств. Так называют новые этические правила, которые устанавливаются прямо на наших глазах: еще недавно шутки с сексуализированным подтекстом казались чем-то привычным, а сегодня в них ярко заметна сексистская составляющая. Еще одна частая точка зрения: «новая этика» касается не только настоящего и будущего, но и прошлого. Ярче всего это видно на фоне обвинений, связанных с *#MeToo*. Нередко о пережитом насилии пострадавшие рассказывают спустя годы. Причины могут быть самыми разными: одни не могут собраться с духом, чтобы заговорить о пережитом, другие боятся обнародовать подробности,

третьим нужно время, чтобы осознать, что происходившее с ними было насилием, то есть чем-то большим, чем недопонимание и неудачный опыт. Тем не менее, в ответ на эти заявления часто можно услышать похожие фразы: «Почему они не сказали обо всем раньше?» и «Зачем вспоминать об этом сейчас?»

Сегодня за недопустимое поведение все чаще призывают к ответственности: как минимум столкнувшиеся с обвинениями люди приносят извинения за причиненную другим боль. Кроме того, бывают репутационные и финансовые потери.

Из-за подобных случаев «новую этику» нередко воспринимают как инструмент ретроспективного наказания и повод для бесконечных опасений: «Она не предлагает нам плана построения будущего общества на новых принципах. Она, в первую очередь, обращена в прошлое, стремится заставить каждого человека устыдиться своего прошлого и покаяться в нем. А поскольку в результате взаимодействия заинтересованных групп область «новой этики» постоянно расширяется и видоизменяется, то ни один поступок человека не может быть полностью очищен от подозрений».

Все эти процессы, конечно, устроены сложнее, и цель «новой этики» нельзя свести к наказанию за проступки прошлого. Да, наши взгляды и то, что мы считаем допустимым, меняются (было бы странно, если бы они десятилетиями оставались прежними), но взгляд «новой этики» нужен, в первую очередь, для того чтобы заметить движение вперед.

Сейчас у дискриминируемых групп больше возможностей быть услышанными. Насилие прошлого не переставало быть насилием до движения *#MeToo*. Да, в массовой культуре меньше говорили о культуре согласия, а многие пострадавшие не знали, как описать произошедшее с ними, многое воспринималось как норма, но это не значит, что этот опыт не был травматичным. Кажется, что «новая этика» отличается от старой лишь тем, что сегодня у нас появилось больше инструментов, которые позволяют уловить и отразить неравенство и дискриминацию, и больше терминов, которые помогают описать этот опыт.

Здесь же следует сказать, почему «сторонникам разных «идеологических» меньшинств мало того, что их «терпят» (не осуждают, не дискриминируют), они еще хотят, чтобы их ценили, считали правыми, можно сказать: они это делают в защиту своего человеческого достоинства. К примеру, почему сторонники ЛГБТ-сообществ не удовлетворяются тем, что им не мешают культивировать свою сексуально-гендерную идентичность в качестве частных лиц, а хотят непременно публично (демонстративно) заявить об этом, ходить по улицам со своими флагами, устраивать фестивали и т.п. Они тем самым расширяют легальный статус до нравственного признания: утверждают, во-первых, себя как личностей, которые имеют право сами определять свои убеждения и жизненные принципы; во-вторых, свои убеждения и принципы в качестве полноценных форм общественной жизни, считая, что таковыми их делает сам факт того, что они суть их убеждения» [Гусейнов, 2021, 103].

Другая составляющая «новой этики» – широкое общественное движение против расизма (*Black Lives Matter*).

«Когда в наших масс медиа комментировали движение *BLM*, родившееся в США из гнева, вызванного гибелью в городе Миннеаполисе от рук полицейского 46-летнего афроамериканца Джорджа Флойда, отмечали контраст между величием почестей (золотой гроб, обилие официальных лиц, продуманно торжественный церемониал похорон), которые оказывали покойному, как если бы он был национальным героем, и сомнительностью дел, которыми отмечена его биография (пять тюремных сроков, последний пятилетний срок до 2019 года за вооруженное ограбление, в день роковой гибели был остановлен из-за подозрения, что

расплатился в магазине фальшивой денежной купюрой). Комментаторы ценность жизни и достоинство личности Джорджа Флойда, которые были попорчены грубыми несоизмеримыми действиями полицейских, что впоследствии было доказано судом, соотносили и измеряли ценностью тех действий, которые он делал, как если бы первое зависело от второго. А между тем чрезмерное, пусть даже карикатурное, чествование именно этого человека в блеклости и даже ничтожности его биографии с особой силой подчеркивает безусловную ценность жизни и достоинства личности в лице каждого индивида, а закрепляющее эту истину движение *BLM* поднимает на уровень первостепенной политической силы» – пишет академик А.А. Гусейнов [Гусейнов, 2021, с. 98-99]. Сложнее выглядит вопрос о сносе памятников людям, которые в историческом плане считаются прогрессивными, но сами по себе по факту были, скажем, рабовладельцами, как первый президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон.

«Памятники ставят или свергают не любители истории. Это манифестация политических взглядов и морально-нравственных ориентиров.

Памятники — это не история, это лишь версия истории.

В Соединенных Штатах сносят памятники вождям рабовладельческого Юга, из-за которых в 60-х годах XIX века вспыхнула Гражданская война. Свержение статуй не оставило мир равнодушным. В нашей стране это воспринимается как вандализм: памятники – достопримечательность, неотъемлемая часть национальной истории. Но речь идет не об имеющих художественную ценность памятниках архитектуры и зодчества.

Большинство статуй воздвигли не в те давние времена, а много позже, когда на Юге старательно творили миф о проигранном, но благородном деле. Это была часть пропагандистской кампании, направленной на то, чтобы стереть из памяти рабство как причину Гражданской войны и обелить южан.

Статуя командующего войсками Юга генерала Эдварда Ли, которую потребовали снести, была установлена в 1924 году – именно в тот момент, когда штат Вирджиния принял позорный закон, запретивший браки белых и небелых». Это пишет журналист и историк Леонид Млечин. Далее он цитирует американских историков: «Памятники воздвигнуты, чтобы почтить эти фигуры, и если мы говорим, что хотим жить не в расистском обществе, конечно, мы должны избавиться от них» [Млечин, 2020].

Примерно о том же говорит Нина Хрущева, которая живет и преподает в Америке, в беседе с российским журналистом: «То есть сейчас мы стираем все, с чем мы не согласны в той белой культуре. И, конечно, это двинулось очень далеко. Но с моей точки зрения, во всяком случае, в американской формуле это важный процесс, потому что это потом где-то придет в середину, но пока этим людям, у которых долго не было голоса или был очень опосредованный голос — им все-таки нужно это выразить».

Из общих черт «новой этики» следует отметить две, за что она подвергается критике – ее ретроспективный характер и тоталитарность.

Одно из действительно новых направлений «новой этики» – экологическая этика, когда отрицается антропоцентричность морали, направленность ее только на человека. Суть таких предложений — расширить область морального, включить в нее отношение к природе не просто как социальное, то есть отношения людей и природных объектов, но именно как к морально значимым предметам.

Поворотной на этом пути стала книга философа Питера Сингера «Освобождение животных» (*Animal Liberation*, 1975). «Сингер изложил безупречно точный аргумент в пользу всестороннего учета *интересов* животных, хотя и не обязательно предоставления им «прав». Он

начинает рассуждение с постулата, что не интеллект или принадлежность к определенному виду, а само наличие сознания у живого существа обязывает рассуждать о нем с позиций морали» [Пинкер, 2021, 581].

Книга П. Сингера «положила начало современному Движению в защиту прав животных. Главное ее утверждение о том, что животные заслуживают этического отношения, привлекло тысячи последователей. Революционность этой доктрины заключалась в том, что прежнее сентиментальное покровительство животным, просуществовавшее до середины XX века, осуждало лишь человеческую жестокость, однако для новой общественной деятельности Сингер предложил иную, правовую сторону взаимоотношений человека и других живых существ» [Кротовская, Кулагина-Ярцева, 2021].

Экологическая этика отрицает антропоцентричность морали, направленность ее только на человека. Суть ее предложений – расширить область морального, включить в нее отношение к природе не просто как социальное, то есть отношения людей и природных объектов, но именно как к морально значимым предметам. Отсюда возникают идеи особого отношения к животным – не как к имуществу, а как к особым объектам морального опыта.

Современное развитие науки ставит перед человечеством еще одну новую этическую задачу – реальные взаимоотношения человека и робота.

Робототехника ассоциируется со сферой IT-технологий, хотя своим появлением роботы обязаны отнюдь не техническому прогрессу – еще задолго до возникновения первых машин писатели мечтали о создании «механических людей», хотя сделаны эти воображаемые «протороботы» были совсем из других материалов – например, знаменитый Голем из легенд средневековых алхимиков был изготовлен из глины, в «Фаусте» Гете описана попытка вырастить человекоподобного гомункулуса в колбе, конечно, нельзя не вспомнить Франкенштейна и его монстра. Взаимоотношения человека и робота описаны во многих фантастических книгах, например, в «Я, робот» Айзека Азимова (там даже разработаны правила робототехники, первый из которых – не причинять человеку вреда). Современная литература тоже затрагивает и по-разному решает эту тему (Иэн Макьюэн «Машины как я», Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце»). Однако во взаимоотношениях и взаимодействии робота и человека возникают проблемы: компании уже давно осознали преимущества перекладывания нудной работы на плечи роботов-помощников (среди стремительно роботизирующихся компаний можно назвать таких гигантов, как Amazon, DHL, Uber), но остаются опасения, что сотрудники, по-прежнему работающие на подобных позициях, будут чувствовать свой труд обесцененным. Исследования лаборатории по информатике и искусственному интеллекту передового американского института MIT показали, что эти опасения напрасны, если корректно выстроить совместную работу машины и человека; более того, роботы вполне могут мирно управлять людьми и люди будут этому только рады. Эффективность работы растет, потому что машины способны создавать и предлагать запасной план действий автоматически, тогда как у людей это требует зачастую больших временных и эмоциональных затрат. Другая проблема касается восприятия внешнего вида роботов. Есть так называемый эффект «зловещей долины» (*uncanny valley*) — дискомфорта, который мы испытываем при столкновении с роботом, который выглядит и действует почти как человек. Это явление было впервые описано японским ученым Масахиро Мори: в 1978 году он провел опрос, результаты которого оказались весьма неожиданными. До определенного предела, как и предполагалось, была строгая закономерность – чем больше робот был похож на человека, тем симпатичнее он казался участникам опроса. Но внезапно наиболее близкие по внешним признакам к человеку роботы оказывались не просто

неприятны людям, но вызывали чувство страха и дискомфорта. Создатели современных роботов осознают опасность и стараются сделать их похожими скорее на персонажей из мультфильмов, чем на реальных людей. И они пользуются популярностью. Например, роботы способны помогать пожилым людям, которые испытывают одиночество, – машины не просто составляют им компанию, но также могут отслеживать их состояние здоровья. И при этом обходятся дешевле, чем наем социальных работников. Социальные роботы часто выпускаются в форме домашних животных, многие из них наделены чертами домашних собак или кошек, они лают или издают мяукающие звуки. Людям нравится, что за роботами можно ухаживать.

Критика «новой этики»

В отличие от США, замечает Е.Л. Омельченко, где понятие «харассмент» прописано в законодательстве, в России «новая этика» нигде не закреплена. Ее нормы формируются явочным порядком – через громкие скандалы и тихие истории [Омельченко, 2021]. В фактическом плане речь идет об изменениях в области морали, которые получили концентрированное выражение в широких общественных движениях за постколониальное очищение гуманитарных наук, против дискриминации женщин (*#MeToo*), расизма (*Black Lives Matter*), за открытую гендерную идентичность. Эти процессы идут в западных странах, особенно в США и Великобритании, уже сравнительно давно (два-три десятилетия), затрагивают широкий круг проблем общественного сознания и стали существенной и, самое главное, морально преваляющей общественно-политической силой. В России же они получили заметное распространение в последние два-три года и затрагивают отдельные аспекты межлических отношений (харассмент, политкорректность, гендерная идентичность) и в значительной мере воспринимаются как «чужие» проблемы, вызывая по преимуществу негативную общественную реакцию. Здесь следует заметить, что русский язык, прибегая к иноязычным заимствованиям – буллинг, харассмент, абьюзер, толерантность и многие другие, – тем самым словно обозначает эти явления как «иностранные». Это усложняет название и проговаривание в публичной сфере проблем, связанных с неравенством и нетерпимостью. Поэтому, несмотря на наличие в России множества собственных форм неравенства, назвать – а значит, признать их – получается только с помощью «импортированных» категорий, отчего кажется, что вместе с ними «привозятся» и сами проблемы. Этот же факт отмечает и Е. Омельченко: «В разговоре о «новой этике» чаще всего используются англицизмы. Например, сталкеринг, газлайтинг и др. Отсутствие адаптированных терминов усложняет понимание стоящих за ними процессов [Омельченко, 2021].

«В российском (русскоязычном) публичном пространстве и медиасфере акцентированное обсуждение «новой этики» только началось. Тем не менее, общепринятое (по крайней мере, преваляющее) акцентированно негативное отношение к ней вполне сложилось. Самые важные возражения против нее, которые обозначают качественное своеобразие данного общественного явления и одновременно призваны стать ментальной границей, отделяющей ее от системы так называемых традиционных российских ценностей, уже сформулированы» – пишет А.А. Гусейнов [Гусейнов, 2021, 94]. Тем не менее, отмечает он, «фиксируя внимание на деструктивных общественных проявлениях «новой этики», было бы неверно не замечать ее действительно новый этический подход, связанный с полноправным включением так называемых меньшинств в общественную жизнь и с аннигиляцией самого понятия меньшинства в нравственном сознании общества, когда речь идет о нравственных явлениях. В самом деле, какое может быть меньшинство или большинство там, где речь идет о моральной автономии

индивида?! Таким же выражением новой этической перспективы является усиленный акцент на недопустимость имперских (расистских, колониальных, сексистских) предрассудков в общественной атмосфере, даже если речь идет об их слабых проявлениях и отдельных случаях. Новое здесь в том, что этика только в ее персонально выраженной форме приобретает адекватный (не отчужденный, не вырожденный) общезначимый характер. Тем самым осуществляется радикальный переворот: моральный взгляд на мир движется не от общего к частному, а от частного к общему» [Гусейнов, 2021].

Резким неприятием «новой этики» отличается манифест режиссера Константина Богомолова, опубликованный на страницах «Новой газеты» 10 февраля 2021 года под названием «Похищение Европы 2.0» [Богомолов, 2021].

В нем Константин Богомолов обличил Запад в построении нового «этического рейха», который подавляет волю свободного «сложного» человека. Режиссер считает, что в новом европейском паноптикуме «нацики» сменились столь же агрессивными квир-активистами, фем-фанатиками и экопсихопатами, которые насаждают идеологию «новой этики», – и что России пора отцепить свой вагон от поезда, несущегося напрямик в ад.

«В нацистском обществе человека стали натаскивать как собаку на ненависть к иному. В Новом этическом рейхе человека натаскивают на любовь и лишают права свободно ненавидеть. Ты больше не можешь сказать «я не люблю...», «мне не нравится...», «я боюсь...». Ты должен соотнести свои эмоции с общественным мнением и общественными ценностями».

К. Богомолов считает идеальным инструментом этой новой репрессивной машины социальные сети, а ее условными сотрудниками всех «добропорядочных» и «сетевые» активных граждан, у которых есть гаджеты, обывательская жажда власти и потаенная страсть к насилию, а также стадный инстинкт.

«Сети дали этим новым насильникам анонимность, бесконтактность и – как следствие – безнаказанность. Виртуальная толпа, виртуальное линчевание, виртуальная травля, виртуальное насилие и реальная психическая и общественная изоляция тех, кто идет не в строю. Они — эти сетевые стукачи и вертухаи – умело играют на вечном страхе человека остаться одному против всех. < ... > Этическая чистота пришла на смену расовой чистоте. И сегодня на Западе исследуется под микроскопом не форма носа и национальная принадлежность, но этическое прошлое каждого успешного индивида: нет ли там, в глубине десятилетий, какого-нибудь хоть небольшого, но харассмента, абьюза или просто высказывания, не соответствующего новой системе ценностей. И если есть – падай на колени и кайся».

Реакция на манифест и вправду оказалась неоднозначной. Под своим постом Богомолов получил множество положительных реакций от своих подписчиков. «Наконец-то хоть кто-то на серьезном, высоком по стилю изложения уровне заговорил на эту тему», – пишут одни комментаторы. Другие отмечают: «Есть же еще смелые здравомыслящие люди в этом «новом», лицемерном времени».

В то же время нашлись и те, кто отнесся к высказываниям режиссера достаточно критически. «Идут года, а пластинка про загнивающий Запад никак не доскрипит», – делятся мнением в комментариях подписчики. Некоторые обвинили Богомолова в слишком поверхностном анализе западной культуры и всех ее процессов.

Режиссер и драматург Иван Вырыпаев отнесся к манифесту критически. В первую очередь он выразил мнение, что Богомолов плохо понимает глубину тех культурных процессов, что происходят на Западе. «Константин Богомолов, не живя в Европе и США, как оказалось, не очень хорошо представляет себе те процессы, которые там на самом деле происходят. И это

неудивительно... посещая западный мир в качестве туриста, трудно, очевидно, увидеть ситуацию в социуме и культуре такой, какая она есть, – отмечает Вырыпаев. – И поэтому описанная Богомоловым модель современного западного мира, мягко говоря, очень упрощена и однобока».

Кинокритик Антон Долин в своем фейсбуке отметил, что текст Богомолова его расстроил. В частности, он упрекнул Богомолова в заимствовании. По мнению кинокритика, подобные мысли и постулаты были изложены ранее другими общественными деятелями.

Нашлись у Богомолова и единомышленники среди деятелей культуры. Писатель, драматург, лауреат премии «Золотая маска» Дмитрий Данилов манифест Богомолова поддержал.

Также позитивно высказался российский журналист, глава Россотрудничества Евгений Примаков. Он назвал публикацию манифеста удивительным и неожиданным событием.

Манифест режиссера прокомментировал в СМИ и пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. «Человек, творчество которого импонирует многим и который имеет много поклонников, он имеет право на свою точку зрения», – ответил Песков журналистам и добавил, что этот вопрос не стоит на повестке Кремля [Новый этический рейх..., 2021].

Критически отзываясь о «новой этике» Артемий Магун, рассматривая ее в историко-философском контексте.

«Не стоит забывать, – пишет А. Магун, – что англосаксонской культуре морализм в принципе присущ с очень давнего времени. В XVII – XVIII веках он сразу в нескольких странах привел к реальным освободительным революциям. Кальвинисты и представители других ветвей протестантизма действительно ходили в черных одеждах и практиковали аскезу. Эти «радикальные святые», как их называл Майкл Уолцер, формировали новое отношение к власти. Затем, в результате революций, аморальные индивидуумы лишались власти и формировалась новая политика, которая не только выводила на первый план личные добродетели, но проводила реальные общественные реформы, направленные, между прочим, на демократизацию.

Сейчас подобная этика секуляризировалась. От самоумаления в пользу Бога мы приходим к самоумалению во имя Другого. Что сегодня называется «этикой»? Некий набор добродетелей, ориентированных на Другого, на то, чтобы не делать Другому зла, а делать добро.

С философской точки зрения тут есть противоречие, поскольку молчаливо предполагается, что по своим внутренним помыслам каждый человек – малоэтичный эгоист, а этика – это якобы лишь внешний окрик морального полицейского. И потому только Другой будто бы вырывает нас из повседневной заботы о себе. Но эта точка зрения необоснованна. С точки зрения левых философов и социологов, обычный человек с молоком матери усваивает коллективистские ценности – это эгоизм приходит потом, и ему специально обучают».

«Поэтому, – заключает свою мысль А. Магун, – я и предпочитаю называть эту систему норм не «новой этикой», а «новой моральной чувствительностью». Ее абсолютизацию я называю «морализмом». Собственно, этика – это система разумной проблематизации собственного поведения, а здесь мы имеем дело, скорее, с системой внеположных, внешних догм» [Магун, 2021].

Британский философ, преподаватель Эксетерского университета Эдвард Скидельский предлагает рассматривать движения #MeToo, BLM, борьбу с харассментом, расширение словаря, описывающего разные формы гендера и сексуальности, в качестве новой формы «тоталитаризма», он видит в современных этических дискуссиях отчетливые признаки тоталитарного мышления и практик, угрожающих самому духу демократии.

«Мне бы хотелось поговорить здесь не о правых и левых, не о «фашизме» и «политической

корректности», а о «тоталитаризме». На мой взгляд, это слово хорошо описывает то общее, что объединяет левых и правых радикалов. Обычно тоталитаризмом называют разновидность государственного режима, поэтому использование этого термина для описания политических движений может показаться преувеличением – ведь западный мир, несмотря ни на что, пока продолжает жить при демократии.

Однако слово «тоталитаризм» можно использовать и в более широком смысле – для описания образа мыслей и общего стиля политической борьбы. Тоталитаризм в этом широком смысле слова существовал и в Германии, и в России до того, как в этих странах установился тоталитарный режим. А в Западной Европе (хоть и в маргинальном виде) он продолжал существовать даже после войны. Именно распространение тоталитаризма в широком понимании этого слова является сегодня, на мой взгляд, главной причиной для беспокойства. Потому что народ, привыкший к тоталитарному образу мыслей и тоталитарному дискурсу, вряд ли сможет оказать реальное сопротивление установлению в своей стране тоталитарного государственного режима».

Э. Скидельский продолжает: «Хотя нетерпимость — важный элемент тоталитаризма, она не является уникальной, характерной только для него чертой. Все авраамические религии также всегда стремились соблюдать завет псалмопевца: «человек злоязычный не утвердится на земле». Однако от старой религиозной нетерпимости тоталитарную нетерпимость отличает стремление добиться от всех без исключения полной и безоговорочной лояльности. От каждого из нас ожидается не просто воздержание от зла, но готовность ревностно защищать добро. Нейтралитет рассматривается как попытка скрыть свое подлинное неприглядное лицо. Молчание – это измена. «Если вы не являетесь частью решения, вы являетесь частью проблемы»».

С Эдвардом Скидельским полемизирует социолог Анастасия Новкунская.

Она отмечает, что, критикуя «радикальные левые движения» за косноязычие и изобретение новых слов, Эдвард Скидельский сам позволяет себе довольно вольное обращение с терминологией. Он пользуется не просто широким, но совсем не рабочим определением «тоталитаризма». О тоталитаризме, как правило, говорят в связи с политическими режимами или другими иерархичными и замкнутыми социальными структурами (например, сектами). Скидельский распространяет понятие тоталитаризма и на общественные движения, считая ключевым «тоталитарным» признаком нетерпимость. Этот риторический ход позволяет не только в очередной раз усилить «накал страстей», но сделать ряд допущений и обобщений, которые и исторически, и социологически не корректны.

В России нет и не может быть, утверждает А. Новкунская, западных «перегибов» в борьбе с неравенством, которые тревожат Скидельского, даже если признать эту тревогу обоснованной в рамках западного контекста. Просто потому, что нет системной и институциональной борьбы с неравенством.

Существует мнение, что понятие «новая этика» неудачное, так как оно слишком обширно, и в него могут быть произвольно включены различные движения. При обсуждении проблем «новой этики» кандидат философских наук Сергей Левин высказался следующим образом:

«Я бы хотел, чтобы мы отказались от использования понятия «новая этика». Из всех текстов на русском языке, которые я прочитал на эту тему мне больше всего понравилась работа Эллы Россман. Она приходит к тому же выводу: это слишком общее понятие, оно включает в себя слишком много движений. Если говорить, почему это неудачное словосочетание, я считаю, что этика как норма постоянно меняется, но все время есть новые нормы. В 60-х годах была «новая

этика», в конце XIX века была «новая этика», каждые 20-30 лет у нас возникает «новая этика». И это неудачное словосочетание, потому что, во-первых, его можно применять к любым новым этическим правилам, устоявшимся в обществе, во-вторых, оно отсылает нас к этике, как к нормативной дисциплине, чем она не является. В философской этике есть свои термины, и мне не нравится, когда публика приходит и начинает их необдуманно использовать. Позитивный плюс обсуждения «новой этики» для философии в России в том, что за время советской власти этика была в загоне, потому что в марксистско-ленинской философии не было никакой этики. Точнее она была, но никогда критически не воспринималась. Кафедры этики не были существенно влиятельны. Поэтому внимание к «новой этике» возможно приведет к вниманию к классическим этическим понятиям. И людям, которые не пишут научные статьи, а просто обсуждают «новую этику» в Facebook, в передачах, хочется посоветовать минимально узнать о классической этике. Познакомиться с деонтологией, этикой добродетели. После того, как вы узнаете эти термины, обсуждение будет гораздо более содержательным» [Левин, 2021].

Заключение

Говоря о «новой этике», обычно очерчивают период двух-трех последних десятилетий, пусть и отмечая, что сама смена норм началась еще раньше. При этом происходящее сегодня описывают как критический и переломный момент, в который не избежать столкновения «новой реальности» и «старых установок», разделяющего нашу жизнь на до и после. Растущий стихийный тренд на гуманизацию, социальная и физическая мобильность поставили под сомнение пункты общественного договора, еще недавно казавшиеся незыблемыми. Принятые в обществе ролевые модели и поведенческие кодексы, разделение частного и общественного – все эти представления сегодня переживают трансформацию, причем этическое и неэтическое в этих сферах часто меняются местами. Пандемия коронавируса, охватившая мир, только обнажила конфликт старого и нового, создав в новой этике много проблемных полей и даже потерь.

Уважение к человеческой личности и опыту – базовые ценности, которые возникли не вчера, и многие процессы «новой этики» связаны именно с этим. Ключевой момент здесь в том, что мы стали чаще обращать внимание, что не учитываем опыт очень многих людей. Мы говорим, что в последние годы на расизм и ксенофобию стали обращать больше внимания, и все больше людей замечают их проявления. Но это не значит, что расизм и ксенофобия были этическими в прошлом. Они были такими же болезненными и безнравственными реакциями для столкнувшихся с ними людей и десять, и двадцать лет назад — просто сейчас у дискриминируемых групп больше возможностей быть услышанными. Насилие прошлого не переставало быть насилием до движения #MeToo. Да, в массовой культуре меньше говорили о культуре согласия, а многие пострадавшие не знали, как описать произошедшее с ними, многое воспринималось как норма, но это не значит, что этот опыт не был травматичным.

Кажется, что «новая этика» отличается от старой лишь тем, что сегодня у нас появилось больше инструментов, которые позволяют уловить и отрефлексировать неравенство и дискриминацию, и больше терминов, которые помогают описать этот опыт.

Библиография

1. Богомолов К. Похищение Европы 2.0. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohislenie-evropy-2-0>
2. Гусейнов А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. № 58. С. 91-106.
3. Исаакян Г. Театр в эпоху «культуры отмены». Какую цену товарищеские суды заставляют платить за базовое человеческое право говорить и мыслить? URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/01/88193-teatr-v-epohu->

kultury-otmeny

4. Кротовская Н., Кулагина-Ярцева В. Практическая философия и новая этика Питера Сингера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 5А. С. 252-269.
5. Лакодин В. «Новая этика» завоевывает россиян, но от нее у всех кипят мозги. URL: <https://texterra.ru/blog/novaya-etika-zavoevuyat-rossiyan-no-ot-nee-u-vsekh-kiyat-mozgi.html>
6. Левин С. Что такое новая этика? URL: <https://syg.ma/@nieiskusstviennyi-intielliekt/chto-takoie-novaia-etika>
7. Магун А. Откуда взялась «новая этика»? И насколько она левая и тоталитарная? URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3983420>
8. Млечин Л. Пьедестал позора. Памятники – не история, это лишь ее версия. Если сносят монументы недостойным – значит, общество точнее оценивает свое прошлое. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/01/86092-piedestal-pozora>
9. Новый этический рейх: как деятели культуры России отреагировали на манифест Богомолова. URL: https://www.m24.ru/articles/kultura/11022021/157703?utm_source=CopyBuf
10. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. URL: https://mir-knig.com/read_378665-20
11. Омельченко Е. Новая этика: о чем сегодня так спорят? URL: <https://www.hse.ru/ilsir/news/443019538.html>
12. Пинкер С. Лучшее в нас. М.: АНФ, 2021. С. 581.
13. Росман Э. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий. URL: <https://syg.ma/@ella-grossman/kak-privdumali-novuiu-etiku-fraghmient-iz-istorii-poniati>
14. Чеботарева Е. Новая этика в компаниях, или как не потерять миллион долларов из-за твита. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409915-novaya-etika-v-kompaniyah-ili-kak-ne-poteryat-million-dollarov-iz-za-tvita>
15. Эпштейн М. Американские «Вехи». Крупнейшие деятели культуры США выпустили обращение к нации о свободе мысли и культуре запретов. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/14/86267-amerikanskie-vehi>

“New Ethics”: Review of Origins and Modernity

Nataliya G. Krotovskaya

Researcher,
Sector of the History of Anthropological Doctrines,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

Valentina S. Kulagina-Yartseva

Researcher,
Sector of the History of Anthropological Doctrines,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: valentina.yartseva@gmail.com

Abstract

The expression “new ethics” has been present in the media and in discussions for several years, and recently almost everywhere. How is the new ethics different from the old? Where is the line between protecting the rights of some groups and violating the rights of others? Questions about the essence and correct understanding of ethics and morality, as a rule, are evaluative and do not always have a clear formulation. At the same time, various definitions of the new ethics often diverge. In Russia, the concept of new ethic includes several components that are not too similar to each other. This is the “cancel culture”, and the #MeToo movements, as well as Black Lives Matter, and the

environmental agenda, and so on. In this article, various definitions of the new ethics are considered, the history of their occurrence is highlighted and, in each specific case, the content of this concept is critically analyzed. The article mainly uses magazine and newspaper materials. The authors of the study conclude that the new ethics differs from the old only in that today we have more tools that allow us to capture and reflect on inequality and discrimination, and more terms that help describe this experience.

For citation

Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2022) «Novaya etika», istoki i sovremennost' (Obzor) ["New Ethics": Review of Origins and Modernity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 241-259. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

Keywords

New ethics, #MeToo, Black Lives Matter, totalitarianism, cancellation culture, ecology, animal rights, artificial intelligence, social networks, demolition of monuments.

References

1. Bogomolov K. *Pokhishchenie Evropy 2.0* [Abduction of Europe 2.0]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohishchenie-evropy-2-0> [Accessed 04/04/2022]
2. Chebotareva E. *Novaya etika v kompaniyakh, ili kak ne poteryat' million dollarov iz-za tvita* [New ethics in companies, or how not to lose a million dollars because of a tweet]. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409915-novaya-etika-v-kompaniyah-ili-kak-ne-poteryat-million-dollarov-iz-za-tvita> [Accessed 04/04/2022]
3. Epshtein M. *Amerikanskije «Vekhi». Krupneishie deyateli kul'tury SShA vypustili obrashchenie k natsii o svobode mysli i kul'ture zapretov* [American Milestones. Major US cultural figures have issued an appeal to the nation on freedom of thought and a culture of prohibition]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/14/86267-amerikanskije-vehi> [Accessed 04/04/2022]
4. Guseinov A. (2021) Chto novogo v «novoi etike»? [What's new in the “new ethics”?]. *Vedomosti prikladnoi etiki* [Bulletin of Applied Ethics], 58, pp. 91-106.
5. Isaakyan G. *Teatr v epokhu «kul'tury otmeny». Kakuyu tsenu tovarishcheskie sudy zastavlyayut platit' za bazovoe chelovecheskoe pravo govorit' i myslit'?* [Theater in the era of cancel culture. What price do comrades' courts make for the basic human right to speak and think?]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/01/88193-teatr-v-epokhu-kul'tury-otmeny> [Accessed 04/04/2022]
6. Krotovskaya N.G., Kulagina-Yartseva V.S. (2021) Prakticheskaya filosofiya i novaya etika Pitera Singera [Peter Singer's Practical Philosophy and New Ethics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (5A), pp. 252-270.
7. Lakodin V. «Novaya etika» zavoevyvaet rossiyan, no ot nee u vsekh kipyat mozgi [New Ethics conquers Russians, but everyone's brains boil from it]. Available at: <https://texterra.ru/blog/novaya-etika-zavoevyvaet-rossiyan-no-ot-nee-u-vsekh-kiipyat-mozgi.html> [Accessed 04/04/2022]
8. Levin S. *Chto takoe novaya etika?* [What is the new ethics?]. Available at: <https://syg.ma/@nieiskusstviennyi-intielliekt/chto-takoie-novaia-etika> [Accessed 04/04/2022]
9. Magun A. *Otkuda vzyalas' «novaya etika»? I naskol'ko ona levaya i totalitarnaya?* [Where did the new ethics come from? And how leftist and totalitarian is it?]. Available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/3983420> [Accessed 04/04/2022]
10. Mlechin L. *P'edestal pozora. Pamyatniki – ne istoriya, eto lish' ee versiya. Esli snosyat monumenty nedostoinym – znachit, obshchestvo tochnee otsenivaet svoe proshloe* [Pedestal of Shame. Monuments are not history, they are just a version of it. If monuments to the unworthy are being demolished, it means that society more accurately assesses its past]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/07/01/86092-piedestal-pozora> [Accessed 04/04/2022]
11. Noimann E. *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika* [Depth psychology and new ethics]. Available at: https://mir-knig.com/read_378665-20 [Accessed 04/04/2022]
12. *Novyi eticheskiy reikh: kak deyateli kul'tury Rossii otreagirovali na manifest Bogomolova* [The New Ethical Reich: How Russian Cultural Figures Reacted to Bogomolov's Manifesto]. Available at: https://www.m24.ru/articles/kultura/11022021/157703?utm_source=CopyBuf [Accessed 04/04/2022]
13. Omel'chenko E. *Novaya etika: o chem segodnya tak sporyat?* [New Ethics: What are they arguing about today?].

Available at: <https://www.hse.ru/ilsir/news/443019538.html> [Accessed 04/04/2022]

14. Pinker S. (2021) *Luchshee v nas*. Moscow: ANF Publ.

15. Rossman E. *Kak pridumali «novuyu etiku»: fragment iz istorii ponyatii* [How the “new ethics” was invented: a fragment from the history of concepts]. Available at: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fraghmient-iz-istorii-poniatii> [Accessed 04/04/2022]